

Нина Дашевская

~

КАШТАН В КАРМАНЕ

Мне вот что непонятно. С кем нужно здороваться. Ну, вроде ясно: здоровайся со всеми знакомыми, а с чужими — не нужно.

Но есть еще незнакомые люди, которых видишь каждый день. С этими как быть? Вот соседи, с ними надо. Даже если не знаешь, как их зовут. В подъезде встретишь — здоровайся. А на улице? Где кончаются соседи и начинаются чужие люди? Или вот дворники: это знакомые, нет? Продавцы. Папа всегда здоровается со всеми, а бабушка — нет. И я так же: если с папой иду, то здороваюсь и с дворником, и с продавщицей в газетном киоске. А если с бабушкой — то только с продавщицей. Они потом всегда еще долго с бабушкой разговаривают.

Но я не про дворников. Я про Динку-Волчка. У меня есть такая Динка. То есть ее как бы и нет, мы не знакомы. Но если видишь человека много лет? Встречаешь. Третий год уже. Я иду утром в школу и встречаю Волчка. Почти каждый день.

Я живу на нашей стороне проспекта Космонавтов. А школа моя — на той, другой стороне. Чтобы попасть в школу, мне нужно перейти проспект по длинному-длинному переходу. Переход не подземный, а наоборот — сверху, как мост. И наш проспект Космонавтов похож на реку. Я иду над ним по мосту и смотрю на спинки машин. У моей реки сильное течение, правда, сразу в обе стороны. Я иду и смотрю, как несутся по ней осетры и щуки, плоты-самосвалы и нахальная корюшка — мотоциклист.

А навстречу мне идет Динка. Почти каждый день. Причем я обычно опаздываю, ровно на одну минуту. И Динка, наверное, тоже опаздывает. Еще сильнее, чем я, — ей дальше идти. Но если я иду раньше — она тоже идет раньше, и мы опять встречаемся. Тогда мы вместе успеваем: я в свою школу, а она в свою. Странно, да?

Я мог бы ходить с ней в одну школу. Она прямо напротив моего дома — математическая. И мне даже правильнее было бы туда ходить, рядом же! Но там были какие-то дурацкие экзамены, и меня не взяли. У меня мозг не математический. И мама даже обрадовалась, потому что было бы трудно ходить в эту математическую школу и еще в музыкальную. У меня слух хороший, и петь люблю. Мама очень хотела, чтобы я музыкой занимался. А на другом

берегу реки, то есть проспекта Космонавтов, как раз такая школа — с музыкальным уклоном. Моя. У нас там все играют на разных инструментах, и даже оркестр есть.

Ну вот, а у Динки-Волчка, наверное, наоборот: слуха нет, а мозг математический. Это как-то сразу видно, по лицу. Не про слух, а про мозг. Что соображает. Она идет мне навстречу и размахивает своей сумкой. И иногда что-то тихонько поет себе под нос. А, значит, все-таки слух какой-то есть. Я иногда думаю: нам нужно было поменяться домами. Тогда я бы жил возле своей школы, вместе с Илюхой и Тимом. И мы с Илюхой вместе делали бы уроки и гуляли вместе. А Динка жила бы возле своей математической. И мы бы никуда не опаздывали.

Только я тогда не встречал бы ее каждое утро в переходе.

Динка старше меня, хотя мы почти одного роста. Она старше меня в миллион раз. Она ходит с сумкой через плечо, а я — с дурацким портфелем. И еще у меня смешная шапка, завязывается на бантик. Под подбородком. Это из-за ушей, потому что у меня все время болят уши, каждый год по три раза. Но если я иду с папой — я ее не завязываю, свою шапку. А если с бабушкой — да вы сами знаете, как это бывает с бабушкой! Чего тут объяснять.

Да, это самое главное. Динка не ходит ни с папой, ни с бабушкой. Она идет одна, поэтому у нее расстегнуто пальто, болтается шарф и руки в карманах. Всегда одна! И вид у нее ужасно независимый. И еще она умеет свистеть, тихонечко так. Меня Тим обещал научить, он здорово умеет.

У нас в школе много девчонок. Большинство. А в математической — больше мальчишек, я их вижу из окна, когда болею и не иду в свою школу. Эти математические мальчишки играют в футбол на школьном дворе. А в нашей школе нет никакого футбола. Зато у нас есть оркестр.

Я играю на трубе. То есть мой основной инструмент — фортепиано, но мне очень хотелось в оркестр, вместе с Илюхой и с Тимом. Вообще, оркестр — с пятого. Но если я буду хорошо играть, то меня могут взять уже на будущий год. Поэтому я занимаюсь на трубе больше, чем на пианино. Потому что, когда сам играешь, это одно. А тут — вместе. И такая вдруг музыка выходит, и как будто все это — я. Ну, и еще... Еще оркестр ездит на гастроли. А мне ужасно хочется поехать куда-нибудь без родителей, одному. Тим ездил один раз, но он уже в пятом, меня пока не возьмут. Я вот иногда думаю: если Тим не стесняется со мной дружить... Может, и Динка стала бы?

Я сразу ее увидел. Не думайте, что она мне понравилась. Я вообще не сказал бы, что она мне нравится, дело не в этом. Просто она не такая. Ну, как объяснить... Вот все девчонки любят котят. Или собачек. Или принцесс. Посмотреть на их пеналы, тетрадки... Ну не все, конечно. Есть у нас такая одна, у нее всё — с кораблями, и в скрипичном футляре лежит морская раковина. Но это исключение.

А у Динки на сумке — волк. Я сначала думал, это собака, хаски. А потом понял, что волк. Глаза такие, желтые. И пальто у Динки зеленое, защитного цвета. И на рукаве тоже волк. Я прозвал ее Волчком, про себя, я же долго не знал ее имени. И всегда говорил про себя: привет, Волчок. И отворачивался. Будто меня очень интересует течение проспекта Космонавтов.

А как-то раз у нее все вывалилось из сумки. Ну, она шла и крутила ей в воздухе — видно, от очень хорошего настроения. И еще оттого, что некому было сказать ей: перестань сейчас же, как ты себя ведешь?.. И молния была не застегнута, и все посыпалось: учебники, ручки, какие-то листочки, яблоко покатилося. И папа (как хорошо, что папа!) тут же бросился ей на помощь. И мне сказал: что ты стоишь, как памятник Пушкину? Так и сказал. И девочка-Волчок засмеялась. И мне досталось поднимать ее тетрадку, и тут я увидел, что она — Дина. Дина Волкова.

Если бы в следующий раз я шел с папой. Мы бы обязательно поздоровались с ней, папа и я. Но мы шли с бабушкой. И она... Бабушка. Она вообще. Взяла меня за руку. Я чуть не умер от стыда.

***

...А летом мы встретились вдруг. Это было очень неожиданно, потому что — в Таллине. Вот как такое вообще могло быть? Ведь в мире — миллион мест!!! ...Я сначала и не понял, что это она. В джинсах и белой майке. Ужасно загорелая, я ее и не узнал даже. Просто — ой. Знакомое лицо, кто это? И она вдруг остановилась. И вдруг:

— Ой! Ой, привет...

И я ответил: привет. И она дальше пошла, размахивая пакетом с молоком. Я увидел, как она им размахивает, и только тогда понял, что это точно она. И еще подумал: как это так, опять одна? Ладно дома... Но тут — в другом городе, в чужой стране! Да еще в магазин. Мне кажется, меня и через десять лет не отпустят.

...А перед школой, в августе, я все думал: ну вот. Теперь точно будем здороваться! И я спрошу про Таллин. Что ты делала в Таллине? Или нет: видела Толстую Маргариту? Или: а как по-эстонски «молоко»?

Или вообще: а это ты была, а?

Я придумал сто разных вопросов. Но так ничего и не спросил. Прошел мимо, и все. Как дурак.

***

А вчера был обычный день. Вторник. Только небо было чуть синей, чем всегда, и деревья светились желтым и красным. Обычный сентябрь. Только как будто что-то особенное. Я знаю что.

Просто я шел в школу один. Потому что папа в командировке, а бабушка заболела. И мама... Мама вчера очень поздно пришла с работы. И я тихонько прошел в ее комнату — в носках, чтобы не шлепать тапками. И выключил ей будильник. Пускай спит. Оставил записку на столе и выскользнул тихонько за дверь.

Как хорошо идти без шапки! Как хорошо! Ветер шевелит волосы, как будто летом на море. И небо. Небо — синее-синее.

Я уже понял, что не встречу Динку. Не бывает таких совпадений. Чтобы я один — и она идет. Наверняка сегодня нет.

...А у нее оказались зеленые глаза. Она остановилась возле меня в переходе. В самой его середине. Сама остановилась. И разжала кулак.

Там был каштан. Гладкий, масляный. Сегодняшний, вчерашние уже не такие.

Ну и я достал из кармана свой. Тоже сегодняшний, свеженький. И мы поменялись. Просто поменялись. Каштан на каштан. И все. И я увидел, что они зеленые. Глаза.

И она пошла дальше, все так же размахивая своей сумкой.

***

А вот завтра. Что мне делать? Здороваться или нет?
Вы вот — как думаете?

Дарья Варденбург

~
**КОГДА МАМА
В КОМАНДИРОВКЕ**

Бабушка загремела в больницу, объевшись котлет. Ей было жаль выбросить девять вкусных котлет, испеченных накануне, и она их съела. Мы с братом не смогли ей помочь — мы доедали сырники. К вечеру бабушка раздулась как воздушный шар и пообещала лопнуть, если мы сейчас же не вызовем скорую помощь. Усатые санитары вдвоем еле скатили ее с лестницы и пропихнули в кузов машины.

— Я вам позвоню, — сказала бабушка из кузова, когда мы с братом подошли к его раскрытым дверям.

Санитары захлопнули двери, прыгнули в кабину, и машина умчалась.

— Мы всего три дня прожили с бабушкой, а она уже в больнице, — заметил брат.

Я вспомнила, как мама однажды сказала, что мы кого угодно сведем в могилу. Но вряд ли она хотела вреда бабушке, подсунув ей внуков на четыре недели. Четыре недели — столько должна была длиться мамина командировка. В пятницу мама собрала